ЛИДИЯ РИДЕР

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ЖЕНЩИН

Вызов викторианской медицине, который навсегда изменил жизнь женщин

18+

Это история, которая одновременно возмущает и вдохновляет.
Кэтрин МакНур, автор книги «Озорные создания»

Лидия Ридер

Лекарство для женщин. Вызов викторианской медицине, который навсегда изменил жизнь женщин

Издательство "Livebook/Гаятри"

2024

Ридер Л.

Лекарство для женщин. Вызов викторианской медицине, который навсегда изменил жизнь женщин / Л. Ридер — Издательство "Livebook/Гаятри" , 2024

ISBN 978-5-907784-94-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Истории женщин, которые оказываются в ловушке любви, рискуя потерять себя в мучительных отношениях с партнерами. Клара и Анна живут в разных городах Италии: одна – в столичном Риме, другая – во всегда оживленном Милане. Клара работает в книжном магазине, а Анна изучает экономику, чтобы в будущем возглавить семейный бизнес. Но так ли они отличны друг от друга? Ведь личная жизнь обеих напоминает сумасшедшие качели. Надежда сменяется отчаянием, отчаяние – вспышками любви и верой в то, что счастье близко. В этой изнурительной гонке время летит незаметно, но, может быть, стоит остановиться и задуматься, как вернуть контроль над собственной жизнью? В конце концов, Клара это или Анна, впереди только один путь: залечить раны, обрести любовь к себе, начать все заново и стать счастливой.

ISBN 978-5-907784-94-9

© Ридер Л., 2024
© Издательство "Livebook/ Гаятри" , 2024

Содержание

Отзывы о книге «лекарство для женщин» 6
Пролог 7
Часть I 10
1 10
2 21
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Лидия Ридер
Лекарство для женщин. Вызов викторианской медицине, который навсегда изменил жизнь женщин

Моей прабабушке Эллен Кейт Бэбб, обожаемой акушерке и лекарке

С 1848 года [когда в городе Сенека, штат Нью-Йорк, прошел первый съезд, посвященный правам женщин]… в общественном представлении о женщинах произошел такой мощный переворот, подобного которому не случалось ни за одно, ни за пять, ни за десять столетий европейской истории.
Мэри Патнэм Джейкоби, доктор медицинских наук, «„Здравый смысл“ применительно к избирательному праву для женщин»

Я сказал, что, по-моему, ни больным, ни обществу не будет пользы, если женщины станут врачами, и что, на мой взгляд, женщины отчасти утрачивают присущее их полу природное обаяние, когда посвящают себя тому или иному занятию, до сих пор остававшемуся уделом мужчин.
Сайлас Уэйр Митчелл, доктор медицинских наук, «Черты характера»

Originally published as Ora amati in Italy in 2024 by Giangiacomo Feltrinelli Editore Milano.
This edition published in agreement with the Author represented by United Stories Agency – Roma, in conjunction with Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency (PNLA).
Questo libro è stato tradotto grazie a un contributo per la traduzione assegnato dal Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale italiano.

Эта книга переведена благодаря финансовой поддержке, предоставленной Министерством иностранных дел и международного сотрудничества Италии.

© Е. Макарова, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке. Livebook Publishing LTD, 2026

Отзывы о книге «лекарство для женщин»

В своем блестящем художественном повествовании Лидия Ридер проливает свет на жизнь Мэри Патнэм Джейкоби и других женщин, стоявших у истоков борьбы за равноправие в американском медицинском сообществе, а также описывает, какое влияние оказывала и на врачей, и на пациентов половая дискриминация, с которой они сталкивались. Эта история одновременно возмущает и вдохновляет.
Кэтрин МакНур, автор книги Mischievous Creatures

Захватывающая история о женщинах, которые, выбрав «недозволенную стезю», пошли в медицину, чтобы побороться не только за более качественное медицинское обслуживание и широкие возможности для женщин, но и за многое другое.
Рэйчел Свейби, автор книги «52 упрямые женщины: ученые, которые изменили мир»

Напоминает нам об условиях несвободы и ограничений, что существовали для женщин всего 150 лет назад, и несет в себе предостережение не принимать наши права как должное.
Виктория Свит, автор книги Slow Medicine

Одновременно захватывающая и жуткая книга. История гинекологии с мужчинами во главе почти неотличима от шарлатанства и демонстрирует неумолимую эксплуатацию женского тела и духа под видом лечения. Сама анатомия женского тела использовалась как аргумент, почему женщины не способны быть врачами, а то и вовсе… управлять собственным разумом. Мы живем в эпоху все более халатного отношения к женскому здоровью – и к женской боли; Ридер же нашла героиню нашего времени.
Кэтрин Прендергаст, автор романа The Gilded Edge

Пролог
Желание исцелять

Однажды летом 1985 года моя бабушка и четверо ее сестер в возрасте от 72 до 89 лет собрались, чтобы почтить память своей матери, Эллен Бэбб, которая скончалась в 1953 году. Они пили крепкий кофе, ели сэндвичи без корочек и вспоминали, каково было расти в семье практикующей акушерки и лекарки, которая пользовала женщин и детей сельского поселения в Миссури в первые годы двадцатого столетия.

Они делились воспоминаниями о ее жизни и записывали их на магнитофон. Эллен Бэбб вела хозяйство на ферме и растила двенадцать детей, все из которых поступили в колледж. Она научила дочерей ухаживать за больными и изготавливать лекарства из трав, собранных на берегах протекавшей неподалеку реки Ньянгуа. Среди друзей и соседей она славилась тем, что творила чудеса. Вечно занятой окружной врач доверял суждениям Эллен и часто направлял пациентов к ней. Соседи посылали к Эллен юных дочерей, чтобы она рассказала им о менструальном цикле. Она готовила лекарственные средства от болей внизу живота. Снимала жар, облегчала боль при подагре и успокаивала будущих молодых мамочек, присутствуя при их родах, когда подходило время. Однажды Эллен спасла недоношенного малыша, поместив его в самодельный инкубатор: закрытый ящик с уложенными вокруг младенца молочными бутылками с горячей водой, которые его грели. Дни и ночи напролет она и другие члены семьи то и дело меняли воду, подогреваемую тут же на керосинке, по мере того как бутылки остывали. Малыш выжил.

Но лучше всего безграничное мужество и смекалку Эллен иллюстрирует одна любопытная история. Однажды утром к ней в панике ворвалась соседка, державшая на руках малыша, который проглотил английскую булавку. Та расстегнулась и острием вверх застряла в горле бедняжки. Эллен без колебаний сунула в рот малыша руку, насадила указательный палец на острый кончик и вытащила руку вместе с булавкой. У ребенка не осталось ни царапины.

Чтобы быть в курсе последних достижений в медицине, Эллен читала медицинские книги, рекомендованные окружным врачом. В глубине души она всегда хотела стать доктором, но у нее не было такой возможности.

Несколько лет назад, прослушав запись, сделанную родной и двоюродными бабушками, в голосах которых так и сквозила любовь к матери, я заинтересовалась прабабушкой, которую я не застала. Она владела мастерством врачевания на высшем уровне. Почему же она не стала врачом? Я набрала несколько беспорядочных запросов в Google, невольно положив начало этой книге, потому что вскоре обнаружила, что до конца XIX века женщинам не разрешалось получать медицинское и высшее образование. Я слышала об Элизабет Блэкуэлл, поэтому знала, что женщины-врачи были и тогда. Но я, к сожалению, не знала и к своему восхищению выяснила, что после нее на передовой медицины трудились и другие женщины, в том числе Эмили Блэкуэлл, Энн Престон и Мари Закшевская. Чтобы заниматься врачебной деятельностью и преуспеть в ней, этим женщинам пришлось открыть собственные медицинские школы и больницы.

Однако борьба женщин за возможность получить соответствующее образование и разрешение на врачебную практику вызвала грандиозное противодействие. С Чарльзом Дарвином в качестве путеводной звезды ведущие ученые и профессора медицины – в том числе Оливер Уэнделл Холмс-старший (знаменитый писатель и декан Гарвардской медицинской школы), С. Уэйр Митчелл (изобретатель лечения покоем для женщин), Дж. Мэрион Симс («родоначальник» гинекологии, человек, ради громкого имени истязавший находившихся в рабстве женщин) и Эдвард Г. Кларк (профессор Гарварда, буквально написавший книгу о женской

ущербности) – сговорились, чтобы не допустить женщин на медицинское поприще. Эти деятели приводили довод о том, что сама неполноценная женская природа помешает им последовательно заниматься учебой в университете и любой иной деятельностью вне дома. Если аристократки – а только у них и была хотя бы надежда получить высшее образование – будут перегружать свой хрупкий организм избыточной умственной работой, то станут бесплодны, а сторонники превосходства белой расы, заправлявшие обществом, просто не могли этого допустить.

К счастью, появилась героиня, которая в своей борьбе прибегла к научным знаниям, подкрепленными фактами. Блистательная Мэри Патнэм Джейкоби, работавшая под наставничеством Элизабет Блэкуэлл, в своем язвительном ответе Кларку и прочим влиятельным врачам приводила доводы о том, что женщины вправе распоряжаться собой как в физическом, так и в интеллектуальном плане. Она категорически утверждала, что мужчины и женщины не так уж и отличаются друг от друга, а здоровье женщин подвергается опасности не из-за биологических, а из-за социальных ограничений.

В викторианской культуре, где женщины ценились только в качестве декоративных станков для рождения детей, передовая, доказательная медицина Джейкоби представляла собой акт неповиновения. Ее научные исследования развеивали распространяемые мужчинами мифы о женском теле, преображали медицинскую науку и закладывали фундамент для будущих успехов женщин, в том числе получения избирательного права. Это был поворотный момент для женщин, боровшихся за то, чтобы их воспринимали как полноценных людей. Джейкоби стала одним из самых видных – и среди мужчин, и среди женщин – врачей XIX века. В наши дни о ее поразительных достижениях почти не говорят. Мэри Патнэм Джейкоби, наряду с Элизабет Блэкуэлл и Сьюзан Б. Энтони, нужно воздать должное за успехи в борьбе за права женщин.

Через много десятков лет сражений с медицинскими деятелями вроде Кларка и Митчелла, когда женщины отстаивали свое право голосовать, владеть собственностью, использовать контрацептивы, получать равноценную оплату труда, заниматься спортом и так далее, белые мужчины у кормила власти продолжают в качестве аргументов использовать «науку» и «биологическую природу». Бывший президент Гарвардского университета Лоуренс Саммерс в 2005 году возродил начавшийся в 1874 году спор, произнеся злополучную фразу, что женщины добиваются в науке и инженерии меньшего успеха, чем мужчины, из-за половых различий. Популярный эволюционный психолог Джордан Питерсон, современный викторианец и борец за мужские права, опубликовал три книги, в которых, вторя Кларку и Митчеллу, утверждал, что возможности женщин определяются их биологической природой и эволюционно обусловленной обязанностью воспитывать детей.

В ходе президентской кампании Хилари Клинтон кое-кто последовательно подвергал сомнению ее способность принимать решения из-за убежденности, что под влиянием гормонов она будет вести себя неразумно, особенно во время месячных. Похоже, некоторые мужчины по-прежнему не понимают женскую природу.

Основным предметом разногласий остается спор о том, может ли женщина вести полноценную жизнь вопреки наличию у нее репродуктивных органов. Крайне важно понять, когда и где зародились такие представления, чтобы решить, как их преодолеть.

Как раз когда я это пишу, наблюдается очередной виток серьезной борьбы против основополагающих прав и независимости женщин. В 2022 году Верховный суд США отменил решение по делу Роу против Уэйда. Судья Верховного суда Алито, выражая мнение большинства, проигнорировал судебный прецендент и процитировал труд жившего в XVII в. охотника на ведьм и сторонника супружеского изнасилования, сэра Мэтью Хейла, неустаревающего авторитета в области женской природы. «В двух трактатах сэра Мэтью Хейла прерывание беременности в случае, когда ребенок умер в утробе, также называется „великим преступлением“ и „великой ошибкой“», написал Алито.

Подобно Кларку и его коллегам, Алито считал, что женщины не будут бороться. Все они ошибались.

Часть I
Начало

Неизвестное только и ждет, чтобы стать известным благодаря науке.
Мэри К. Патнэм Джейкоби, Theorae ad Lienis Officium

1
Моральный долг
Нью-Йорк, 1851 год

Доктор медицинских наук Элизабет Блэкуэлл вышагивала взад-вперед по своей унылой квартире в Нижнем Вест-Сайде, то и дело останавливаясь и выглядывая в окно гостиной на круживший на улице буран. Снег стал глубже и заглушал металлический перестук конских копыт и колес экипажей по ухабистой и гулкой булыжной мостовой перед домом номер 44 на Юниверсити-плейс. В обычный день в это время, с десяти утра и до полудня, она принимала пациентов, но сегодня никто не пришел. Хозяйка квартиры могла обратить их в бегство даже в погожие дни. Эта женщина, которая все время повышала арендную плату, распространяла ужасающие слухи.

Тридцатилетнюю Блэкуэлл обвиняли в выполнении подпольных абортов, называли проституткой, плевали в нее с тех самых пор, как она добилась возможности учиться на врача. Она получила отказ в двадцати девяти учебных заведениях, пока в 1847 году ее не приняли в Женевский медицинский колледж в штате Нью-Йорк. Получив ее заявление, профессорско-преподавательский состав постановил, что решение о допуске Блэкуэлл под их священные своды примут сами студенты. По-видимому, молодые люди подумали, что преподаватели над ними шутят, и проголосовали «за». Эта якобы шутка стала для Блэкуэлл благоприятным случаем, за который она решительно ухватилась. Стремясь получить диплом, она научилась не реагировать на пренебрежительное отношение.

Подбрасывая уголь в небольшую железную печь, Блэкуэлл вспоминала обиды, которые ей пришлось перенести, чтобы достичь нынешнего положения. За редким исключением жители респектабельного городка Женева считали ее распутной и совершенно безумной женщиной, которая подвела представительниц собственного пола и которая будет дурно влиять на детей. В конце концов в современном мире порядочные женщины не выходят в люди в одиночку. На улицах можно было увидеть только беднячек и иммигранток, работавших прислугой или продавщицами, или трудившихся на фабриках, а также проституток. Благородные дамы из высшего общества или из среднего класса всю жизнь не покидали замкнутого домашнего мирка, не зная ни тревог, ни забот.

Но Блэкуэлл, поправ все обычаи, училась в медицинском колледже с насмешливыми юношами, которые вели себя, как мальчишки и, не смущаясь ее присутствием, свистели и улюлюкали, чтобы привлечь внимание старшеклассниц, спешивших в школу. Те же самые шумные молодые люди грабили расположенные неподалеку могилы, добывая свежие трупы для занятий по анатомии. Однако молчаливая решимость Блэкуэлл, ее скромные наряды и хладнокровное отношение к бумажным комочкам, которые в нее швыряли на лекциях, в конце концов завоевали невольное восхищение этих молодых людей.

Блэкуэлл возвела вокруг своей нервной системы воображаемую кирпичную стену, проявляла чудеса выдержки и умела договариваться с преподавателями колледжа, когда ее при-

сутствие вызывало у них гнев или смущение. Через два года – стандартный срок обучения медицине в то время – она завоевала уважение учителей и при выпуске была одной из лучших в классе.

Когда Блэкуэлл еще училась в медицинском колледже, Элизабет Кэди Стэнтон пригласила ее выступить на первом съезде, посвященном правам женщин и проходившем в нескольких милях от Женевы в городе Сенека-Фоллс летом 1848 года. Девушка отказалась, считая подобную деятельность по улучшению жизни женщин мелкой. Она давно махнула рукой на «сестринство суфражисток». Они напоминали ей цыплят на ферме, которые продолжают бегать по кругу даже после того, как им отрубили голову: никакой цели, только лихорадочное противодействие, в отличие от Блэкуэлл, которая сделала смелый шаг, вступила в прямую борьбу с системой и стала первой женщиной, получившей медицинское образование в Соединенных Штатах. Однако она не замечала, что относится к суфражисткам так же, как в Женеве относились к ней самой – как к чудачкам.

Находясь под влиянием харизматичного священника-унитария Уильяма Генри Ченнинга и трансцендентальных произведений Маргарет Фуллер, Блэкуэлл была глубоко религиозна. Она верила, что в человеке и в природе заложена благость, что нужно полагаться на себя и доверять собственной интуиции. Каждый день, ведя борьбу за возможность стать врачом, она представляла себя одиноким пророком, исполненным сочувствия и благочестия, чье слово однажды заглушит повседневную суету и будет услышано, указуя как мужчинам, так и женщинам путь к лучшему миру.

Когда Элизабет после окончания учебы приехала в Нью-Йорк, то была совершенно уверена в своих силах и считала, что хоть она и женщина, благодаря успехам в учебе и опыту работы в парижских и лондонских клиниках, работа в больнице или медицинская практика ей обеспечены. К сожалению, ее устремления получили поддержку среди феминисток, но не в патриархальных медицинских кругах.

Глубочайшее негодование, которое у большинства врачей вызывали попытки женщин получить эту профессию, вскоре после выпуска Блэкуэлл из колледжа проявилось на страницах чрезвычайно влиятельного журнала *Boston Medical and Surgical Journal* в рубрике писем в редакцию. В одном из посланий рассерженный врач, назвавшийся «Д. К.», заявлял, что женщины должны оставаться гордостью и славой человечества, «священным вместилищем всего, что только есть целомудренного, изящного и прекрасного». Женщина не должна порочить весь свой пол, «добиваясь почестей на недозволенной стезе». Ему возражал другой корреспондент, писавший под псевдонимом «Джастус», который указывал, что повитухи женского пола с незапамятных времен помогали производить на свет детей и, без сомнений, всем будет лучше, если они продолжат заниматься этим, обучившись современным научным методам родовспоможения. Но хотя этот автор – мужчина – отстаивал право женщин надзирать за родами, он писал и такое: «А мысль о том, чтобы женщины занимались врачебной деятельностью вообще, абсурдна; Д. К. не стоит опасаться соперничества, которое его, похоже, страшно пугает». Кончилось тем, что медицинская общественность публично осудила Женевский медицинский колледж за такой безответственный поступок, как допущение женщины на мужское поприще. В ответ школа немедленно закрыла свои двери перед всеми новыми абитуриентами женского пола.

Когда Блэкуэлл не взяли ни в одну больницу и клинику Нью-Йорка, она решила открыть собственную практику. Она обращалась к владельцам помещений по поводу аренды, но и они ей отказывали. Наконец ей удалось получить приличное жилье неподалеку от Вашингтон-сквер, где хватало места для смотрового кабинета. Но даже при почти ежедневных объявлениях об услугах в *Tribune,* пациентов у нее было немного, и приходили они нечасто. Помехой ее врачебной деятельности служили жестокие сплетни, оскорбительные письма и частые

домогательства «безнравственных мужчин», особенно приставáвших к ней ночью на улице, когда она одна шла к пациенту.

Быть первой женщиной с медицинским образованием в Соединенных Штатах оказалось занятием одиноким. В семье Блэкуэлл было еще двое детей старше ее и шестеро младше; один из младших братьев, Генри, недавно женился на знаменитой активистке, Люси Стоун. Блэкуэлл привыкла к теплоте и товарищескому духу, царившими в ее образованной семье, и боялась, что подтолкнуть сестру Эмили к изучению медицины ее побуждало в основном желание обзавестись коллегой, которая бы поддерживала и помогала преуспеть во врачебной деятельности.

Сидя взаперти из-за снегопада, Элизабет услышала грубый голос квартирной хозяйки, дававшей кому-то указания, как пройти. Блэкуэлл открыла дверь и увидела на пороге миниатюрную квакершу[1], которая стряхивала снег со складчатого подола колоколообразной юбки и подъюбника. Когда она увидела Блэкуэлл, ее вытянутое лицо с раскрасневшимися от мороза щеками расплылось в светлой улыбке. Женщина вошла в комнату, встала рядом с очагом, сняла шерстяной квакерский капор и плащ, по-сестрински обняла Блэкуэлл и, поздоровавшись, назвалась Энн Престон из Филадельфии, студенткой, изучающей медицину.

Блэкуэлл, вероятно, догадалась, что Престон учится в одной из множества школ эклектической медицины, открывшихся в связи с растущим недовольством так называемой «героической медициной», к которой прибегали профессиональные врачи. Их суровая схема лечения подразумевала кровопускания, стимулирование потоотделения, рвоты или диареи, чтобы шоковыми методами подтолкнуть организм к выздоровлению после болезни, вызванной «гуморальным дисбалансом». Дело в том, что врачебные практики середины XIX века нисколько не изменились со времен Гиппократа. Бурно развивалось движение, направленное на реформу в здравоохранении, продвигая более гуманные методы, в том числе общественную гигиену, реорганизацию питания, воздержание от спиртного, водолечение и обучение человеческой физиологии. Новые, более деликатные подходы к лечению приобрели огромную популярность. Школы эклектической (иногда ее называли «нетрадиционной») медицины открывались по всей стране, в них предлагалось обучение огромному множеству альтернативных методов терапии, в том числе водолечению, траволечению и гомеопатии. Во все эти училища с готовностью принимали студенток женского пола. Для противодействия этим тенденциям путем развития традиционной медицинской науки, повышения стандартов медицинского образования и выдачи разрешений на врачебную практику, а таже учреждения совета по вопросам этики для просвещения общественности о псевдонауке, которой занимались врачи-эклектики, в 1846 году была создана Американская медицинская ассоциация.

Хотя Блэкуэлл и поддерживала многие новые естественные подходы, особенно к здравоохранению, гигиене и профилактике заболеваний, она твердо держалась традиционной медицины. Ей оставалось только постараться не закатить глаза в присутствии Престон, а вежливо улыбнуться.

Угадав настроение Блэкуэлл, Престон заявила, что она – участница неизбежного исторического движения, только что зародившегося в Филадельфии и нацеленного на то, чтобы женщины получали образование и становились профессиональными врачами. По мнению Престон, эти новости были столь радостными и обнадеживающими, что она должна была сообщить их Блэкуэлл лично, несмотря на метель. В конце концов великие свершения не даются легко. Она говорила, и весь ее хрупкий облик излучал такую отвагу, что первоначальные опасения Блэкуэлл рассеялись.

---

[1] Квакеры – представители протестантского движения, которое зародилось в середине *XVII* века в Англии и получило широкое распространение в Америке. Квакеры отрицали церковные обряды и таинства и вели активную аболиционистскую и пацифистскую деятельность. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Престон объяснила, что по мнению группы влиятельных квакеров, состоявшей из богатых аболиционистов и филантропов из Филадельфии, в том числе Уильяма Мюллена, доктора Джозефа Лонгшора и доктора Бартоломью Фасселла, получать образование и становиться врачами наравне с мужчинами – моральный долг женщин. Многие женщины, страдавшие тяжелыми заболеваниями, не могут заставить себя нарушить викторианские идеалы чистоты и целомудрия и светские приличия, потому смущаются разоблачиться перед врачом-мужчиной. По словам племянника Фасселла, Эдвина, «многие впечатлительные женщины предпочитают страдания и смерть удару по самому священному, что, на их взгляд, только и есть у женщины».

Хуже того, врачам известно, что некоторые мужья не могли допустить такой непристойности – чтобы при рождении их детей помогали мужчины. Должное образование сгладит последствия этой трагедии и спасет жизни бесчисленных любящих матерей.

В мае 1850 года эти квакеры обратились в законодательный орган штата Пенсильвания и получили разрешение на учреждение Женского медицинского колледжа Пенсильвании, который стал одним из первых во всем мире учебных заведений, где женщины получали официальные традиционные медицинские дипломы. Энн Престон, студентка самого первого курса, должна была получить диплом в декабре 1851 года. (В день, когда ей вручали диплом, мэру Филадельфии пришлось снарядить пятьдесят полицейских для предотвращения возможных беспорядков.)

Престон, которая была на восемь лет младше Блэкуэлл, с юных лет участвовала в борьбе с рабством. Вдохновившись отважным побегом Генри Брауна по прозвищу «Ящик», рабом из Ричмонда, который в 1849 году сам себя отправил почтой в Филадельфию в небольшом деревянном ящике, Престон опубликовала аболиционистскую детскую книжку под названием «Рассказы кузины Энн для детей» (Cousin Ann's Stories for Children). Книга начиналась так: «Мои маленькие читатели, я решила написать книжку и с ее помощью смогу поговорить с вами, хотя я и далеко». Кузина Энн рекомендовала маленьким читателям дорожить свободой, ненавидеть рабство, относиться к ближним великодушно и справедливо, а также советовала им воздерживаться от табака и алкоголя и правильно питаться. Престон горячо стремилась стать врачом; она испытала полную беспомощность, когда после продолжительной болезни в муках умерла ее младшая сестра.

Престон уверила Блэкуэлл, что все наладится. Женщин врачей не постигнет судьба повитух, которых почти не стало в городах после того, как их заменили акушеры мужского пола. Она дерзко заявляла, что женщинам на роду написано становиться врачами. А успеха они добьются, создавая учреждения, строя собственные школы и больницы.

Однако сомнения по-прежнему камнем лежали на сердце Блэкуэлл. Для изменения культуры требовались колоссальные усилия. В XIX веке жизнь женщины из среднего класса и высшего общества во многом определялась популярным «культом истинной женщины» и была втиснута в узкий домашний и семейный круг. В быстро меняющемся мире, где мужчинам вменялось создание промышленно развитой цивилизации посреди необъятной целины, истинная женщина, хранительница очага, направляла свои естественные склонности на развитие благочестия, чистоты, покорности и любви к домашнему уюту, благотворно влияя на супруга. Она с детьми служила его светлым убежищем после развращенного внешнего мира.

Сегодня Престон пришла к Блэкуэлл с решением затруднения, с которым сталкивались женщины-врачи. Выход был простым: приобретя профессию, они должны воспользоваться нравственным идеалом «истинной женщины» и взять на вооружение риторику, напрямую связывающую дом и очаг с обязанностями женщины-медика. Матери ухаживают за больными детьми, продолжила развивать тему Престон, а значит, врачебная деятельность присуща женщинам от природы. А еще важнее, что когда одна женщина лечит другую – это этически разумно. В отличие от мужских профессий, требующих физического труда, сложных политических соображений или жестких деловых взаимодействий, медицина была практической

частью женской сферы деятельности. Внедряя профилактику заболеваний и специализируясь на личной гигиене, репродуктивном здоровье женщин и лечении детей, женщины-врачи, словно добрые матери, будут помогать пациентам в повседневной жизни и прививать им хорошие привычки. Иными словами, женщины наилучшим образом приспособлены заботиться о женщинах и детях в быту.

Врачи-мужчины, даже самые решительные, не могли скрыть своего нежелания заниматься проблемами с грудью и влагалищем. Более того, осмотры чаще всего проводились в темноте, а пациентки оставались полностью одетыми. Оберегая женскую скромность (и ради спокойствия мужей), мужчины-акушеры обследовали пациенток наощупь. Весь процесс больше напоминал исследование пещер, а не прием у врача. Престон не стала бы осуждать врачей-мужчин – ведь успешная работа женского медицинского колледжа зависела от преподавателей и благотворителей мужского пола, однако она не стеснялась подкреплять свои доводы, используя их слова против них самих. Например, она часто цитировала Чарльза Д. Мейгса, популярного профессора акушерства из Джефферсонского медицинского колледжа. В своей известной книге «Женщины и их болезни» (Females and Their Diseases) он признавался, что испытывает трудности при лечении дам:

> *Все эти беды врачебной практики происходят главным образом не из недостатка знаний о лекарствах или некомпетентности медиков, а из щекотливых отношений между полами, о которых я говорил. Некоторые женщины лучше подвергнутся самой страшной опасности и боли, чем отбросят ту щепетильность, какая не позволяет в полной мере обследовать их недуги.*

Если женщины должны оставаться изолированными в своем женском мире, возражала Престон, почему мужчинам вообще разрешается их лечить?

После визита Престон Блэкуэлл еще долго чувствовала, как это новообретенное профессиональное сестринство вдохнуло в нее свежие силы. Она была согласна, что добродетельные женщины приходили в медицинскую профессию, движимые данным от Бога даром заботиться и исцелять. По сути, женщины-врачи были олицетворением женственности. Блэкуэлл, как и Престон, не должна сомневаться в своем профессиональном успехе, ведь от их свершений зависело будущее благополучие женщин и детей. А самое главное – как и предостерегала Престон, – нельзя допустить, чтобы женщин-врачей постигла судьба повитух.

Еще в 1820 году один уважаемый врач из Бостона написал такое противоречивое эссе, что опубликовать его решился только анонимно. Свой труд он озаглавил «Замечания о найме женщин в качестве практикующих врачей в акушерстве» (Remarks of the Employment of Females as Practitioners in Midwifery).

«Вопрос в том, – писал он, – может ли акушерская практика осуществляться женщинами столь же безопасно, как мужчинами?» За простотой его формулировок читалось намерение покончить с вековой традицией и положить конец повивальному искусству.

В Америке и Европе обладательницы высоко почитаемой профессии, повитухи, с давних пор заботились о женщинах и детях. Все роды происходили дома под надзором акушерки и целой сети ее помощников. Они обеспечивали удобство, питание и уход, терпеливо сопровождая совершенно естественный процесс родов и появления ребенка. Женщины вместе переносили муки и опасности, обращались друг к другу за помощью и разделяли радость при благополучных родах или опустошенность, когда мать или дитя погибали.

Профессиональные навыки акушерки гармонично сочетались с женскими домашними обязанностями, что укрепляло ее положение в качестве полноправного, соблюдающего приличия профессионала. Многие поколения акушерок успешно преодолевали брешь между общественной и домашней жизнью женщин.

В придачу к обязанностям по родовспоможению акушерки также выступали в роли сиделок, мастеров похоронных дел и аптекарей для семей и для тех, кто хорошо платил за их профессиональные навыки. Они помогали мужчинам и женщинам предотвращать беременность с помощью кондомов, изготовленных из внутренностей животных, цервикальных губок и спринцевания. Также они делали аборты, разрешенные законом и широко практикуемые. В XVIII веке большинство американцев считало аборты рядовым явлением. Бенджамин Франклин даже включил рецепт одного из абортивных средств в книгу, опубликованную им под названием «Американский путеводитель или Лучший справочник для молодого человека» (The American Instructor or Young Man's Best Companion) и представляющую собой руководство по различным полезным навыкам, включая решение математических задач:

> *В случае такой неприятности необходимо принять слабительное из ятрофы хлопчатниколистной (известной как брюхочист) за неделю до того, как ожидается недомогание, и повторить через два дня; на следующее утро выпить четверть пинты настоя или отвара из болотной мяты с двенадцатью каплями спиртовой настойки из оленьего рога и еще столько же вечером перед сном. Принимать то же девять дней подряд, а после трехдневного перерыва еще девять дней.*

Автор называл этот рецепт решением на случай «неприятности» в виде нежелательной беременности у «безмужних женщин». Франклин был приверженцем английской и европейской традиции, согласно которой аборт считался законным до шевелений, т. е. когда беременная женщина еще не чувствовала движений плода.

Следовательно, хорошая повитуха вполне могла создать себе серьезную экономическую нишу. Хотя она следила за тем, чтобы врачей и хирургов уведомляли о сложных родах, но составляла им грозную конкуренцию. Обычаи и предрассудки не пускали мужчин в покои роженицы, не считая случаев, когда требовались хирургические инструменты для извлечения мертвого плода. Сельские поселения могли позволить себе двух повитух, но только одного врача. К тому же в XVIII веке из-за отсутствия знаний об анатомии, физиологии и хирургии врачи и повитухи в вопросах родовспоможения были на равных.

В последние два десятилетия XVIII века авторитет, которым пользовались повитухи, начал падать. Такие достижения науки и техники, как изобретение хирургических щипцов, поправки в понимании анатомического строения родового канала, а также использование эфира для анестезии и опиума и лауданума для облегчения боли и успокоения нервов, изменили процесс рождения детей. Квалифицированное механическое вмешательство сокращало продолжительность родов и порой спасало жизни матери и ребенка. Доктора обещали пациентам, что использование щипцов, терапевтических средств, а особенно эфира и хлороформа, оградят их от невыносимой боли и ужасов деторождения. Кроме того, врачи начали институционально оформлять врачебную деятельность, для которой теперь требовалось соответствующее разрешение.

В середине XVIII века несколько сотен американских врачей, получивших официальное образование, устремились повысить свой профессиональный статус, отправившись учиться за границу в больницы и медицинские институты Англии, Франции и Германии. Поразившись европейскому прогрессу в медицинской науке и высочайшему уровню европейских публикаций, обществ и больниц, эти доктора вернулись домой, готовые возглавить создание различных медицинских учреждений в Америке.

В колониальных деревнях и городах Америки множились возможности для развития солидной врачебной практики. В 1751 году Бенджамин Франклин помог основать Пенсильванскую больницу, первую в Америке, и организовал ее по европейскому образцу. Это учреждение, где обслуживали как богатых, так и бедных, открывало новые возможности для клини-

ческой деятельности студентов-медиков. Четырнадцать лет спустя открылась Пенсильванская медицинская школа, вслед за ней в 1768 году – медицинская школа Королевского колледжа (позднее Колумбийского колледжа), а в 1780 году – Гарвардская медицинская школа. Эти учреждения дали образование нескольким сотням высококлассных врачей, которые работали в городах. Сотни сельских докторов не проходили никакого формального обучения, а переняли свои знания и умения у наставников и научились на собственном опыте.

В городе акушерская практика для бедствующего молодого доктора служила способом познакомиться с солидной клиентурой. Порой ожесточенная конкурентная борьба за пациентов между врачами и повитухами оборачивалась спорами и словесными перепалками.

В конечном счете возмущения нескромностью врачей-мужчин не шли ни в какое сравнение с обвинениями в некомпетентности в отношении повитух. Чтобы продолжить существование, женщинам-акушеркам оставалось надеяться только на возможность заполучить инструменты и научные знания, необходимые для повышения своей квалификации. Поэтому-то, когда анонимный бостонский врач задался целью показать в своем эссе неспособность женщин быть акушерками, он заострил внимание не только на отсутствии у них медицинского образования, но и на том, почему они вообще не должны его получать.

«Совершенно очевидно, что мы не можем обучать женщин медицинской науке так же, как мужчин», – писал он. Женщины должны были допускаться в анатомический театр или в больницу только в качестве пациенток, потому что иначе от их тонкой восприимчивости и изящных манер ничего не останется. И мужчинам-то приходилось нелегко, ведь помогая пациентам, они вынуждены справляться с собственным потрясением и переживаниями. Методы лечения – кровопускание и стимулирование очищения организма – отличались болезненностью и опасностью. Возможность причинения пациентам сильнейшей боли была повседневностью в практике героической медицины и, вероятно, неотъемлемой частью представлений мужчин о себе. Они и подумать не могли, чтобы женщина вступила на принадлежавшую им территорию. Акушерка, которая ежедневно наблюдала роды, смерть, а также проливавшиеся кровь, испражнения, слизь и все известные физиологические жидкости, была слишком нежной, чтобы изучать хирургию и заниматься вскрытиями.

«Одним из первых и лучших результатов усовершенствования медицинского образования в Америке стало то, что… [женщин] отстранили от врачебной практики», – продолжал анонимный автор. Таким образом, ответ на его вступительный вопрос – «Может ли акушерская практика осуществляться женщинами столь же безопасно, как мужчинами», – очевидно, был отрицательным.

«Замечания о найме женщин в качестве практикующих врачей в акушерстве» были быстро распроданы и переиздавались вновь и вновь. В конце концов выяснилось, что их автором был Уолтер Ченнинг, доктор медицинских наук, профессор акушерства Гарвардской медицинской школы и учредитель журнала *New England Journal of Medicine and Surgery*. На основе доводов уважаемого профессора против женщин в медицине сформировалось стандартное мнение всех медицинских образовательных учреждений. Чуть ли не за одну ночь женщинам, которые веками оставались традиционными поставщиками медицинских услуг на дом, запретили учиться на врачей.

Когда Ченнинг писал свое эссе, предпринимались попытки узаконить новую область акушерства. Молодые студенты-медики считали родовспоможение старушечьим занятием, и многие женщины по-прежнему нанимали повитух, оберегая свою скромность.

В связи с этим преподаватели медицинских институтов из кожи вон лезли, желая помочь студентам и научить их подходящим приемам, чтобы успокоить пациентку и уговорить согласиться на осмотр. Самым знаменитым из них был Чарльз Мейгс, профессор акушерства и женских болезней в Джефферсонском медицинском колледже, который учил самых авторитетных врачей в Америке. Мейгс, обладавший колоссальной харизмой, в душе был артистом,

поэтому его цветистые лекции надолго оставались в памяти. В каждой сатирической зарисовке Мейгса врач-приверженец героической медицины с помощью искусных словесных манипуляций завлекал вымышленную пациентку, целомудренную и сопротивляющуюся, но не блещущую умом, на медицинский осмотр.

Он всегда входил в классную комнату, расправив плечи и глядя прямо перед собой, словно учтивый посетитель в гостиную дамы. Он объявлял тему и принимался разыгрывать медицинский случай в виде увлекательного представления. Сходить на лекцию Мейгса было все равно что прочесть роман.

Сегодняшняя вымышленная пациентка, двадцатидвухлетняя беременная женщина, не могла помочиться из-за ретрофлексии матки. Откашлявшись, Мейгс проговорил докторским басом:

– Сударыня, не соблаговолите ли сообщить, что вас побудило послать за мной?

Перескочив на другое место, он присел, чтобы казаться ниже, и захлопал ресницами.

– Сэр, меня мучают сильные боли, – запричитал он тоненьким голоском.

Когда Мейгс начал расспрашивать женщину о симптомах, его голос снова стал по-докторски строгим. После опроса пациентки он объяснил, что ее утроба перевернулась «вверх дном».

– Что же теперь делать? – воскликнул Мейгс дрожащим женским голосом.

И сам себе ответил:

– Вы должны позволить мне исправить это затруднение.

А пациентка в ответ:

– Как же?

– Восстановив естественное положение утробы.

– Но как же вы это сделаете?

– Рукой.

Мейгс изобразил потрясение и демонстративно содрогнулся.

– Я и подумать о таком не могу, – ответил он голосом своей молодой пациентки.

Снова вернувшись к роли доктора, Мейгс умолк; лицо его стало суровым. Студенты затаили дыхание и с нетерпением ждали, уверенные, что наверняка последует остроумный выговор неразвитой пациентке.

– Что ж, сударыня, я вынужден откланяться, потому что не знаю, что тут поделать. Боюсь, больше ничем не смогу вам помочь.

– Ах, лучше мне умереть.

Студенты Мейгса закатили глаза от такого нелепого поведения женщины.

– Как угодно, сударыня. Воля ваша, *ce que femme vent, Dieu le vent*[2]. Но надеюсь, вы позволите мне сказать, что с вашей стороны было бы очень глупо умереть всего-то из-за неспособности помочиться, когда рядом есть врач, который запросто все поправит – раз, два и готово!

К удовольствию студентов, Мейгс в роли хрупкой женщины, по-настоящему разрыдался. Наконец дрожащим голосом он спросил:

– Это будет больно, сэр?

После этих слов он с исключительным пафосом принялся спасать женщину и ее будущее дитя.

Студенты пришли в восторг.

Мейгс был главным специалистом в Америке по женскому здоровью. В своей популярнейшей книге «Женщины и их болезни», опубликованной в 1848 году, он писал, что у женщин «голова слишком мала для мозгов, но для любви места хватает». Женщина была «царицей

[2] Чего хочет женщина, того хочет Бог (*фр.*).

всевозможной любви». Мейгс сообщал своим ученикам, что, изучив женские половые органы, они станут обладателями знаний о женском существе в целом.

Однако такая тактика, которой еще много десятков лет суждено было служить целой армии докторов, встревожила многих женщин и мужчин и снабдила их вескими аргументами в пользу получения женщинами образования врача. Ранее, до того, как Элизабет Блэкуэлл приняли в традиционную медицинскую школу, одна женщина средних лет, Харриот Хант взялась бороться за право женщин обучаться на врача. В конце осени 1847 года она обратилась к декану Гарвардской медицинской школы, Оливеру Уэнделлу Холмсу, с просьбой разрешить ей посещать лекции. Хант, жительница Бостона, прошла обучение фитотерапии, водолечению и гигиене десять лет назад, когда ее сестра, которая перенесла назначенное обычными врачами лечение ртутью, пиявками, очистку организма слабительными и рвотными, а также кровопусканиями, излечилась эклектическими средствами: свежим воздухом, травяными настойками, диетой и физкультурой.

Харриот Хант, известная как первая женщина в Америке, профессионально занимавшаяся врачебной деятельностью, лечила женщин всех классов, которых привлекала участливая манера обращения и деликатные средства лечения. Опыт подтверждал ее гипотезу о том, что зачастую причина физических недугов заключалась в «затаенных печалях». Выслушивая, как пациентки поверяли ей свои «сердечные тайны», Хант неоднократно узнавала об ужасающих эпизодах внутрисемейных страданий.

Хант рассказывала пациенткам об устройстве организма, стремясь сделать их менее зависимыми от врачей-мужчин и мужей, которые хотели, чтобы женщины оставались невежественны. Она показывала, как предотвратить болезнь с помощью подходящих упражнений, режима отдыха, диеты и гигиены. Советовала учиться танцевать и демонстрировала отдельные движения в качестве наглядного примера, как это бывает полезно для здоровья. Чтобы донести эти принципы самопомощи до более широкой аудитории, она учредила Бостонское женское физиологическое общество, собрания которого проходили в домах женщин среднего класса и из высшего общества, в том числе у нее самой.

В конце концов применение эклектического подхода во врачебной практике озолотило Хант. Ее имя было известно почти каждому жителю Новой Англии. Чтобы быть в курсе последних достижений науки, она самостоятельно штудировала и заучивала наизусть медицинские учебники, но жаждала такого же доверия, каким пользовались врачи с дипломом, поэтому попыталась поступить в Гарвард. Сперва она надеялась, что ее примут. Декан Холмс сказал, что восхищается рвением Хант к науке. Более того, в виду ее зрелого возраста (сорока одного года) и общей непривлекательности ей можно было «вдвойне [*sic*] доверять в части наружности», выразился Холмс, имея в виду, что она не будет отвлекать студентов от учебы. Но несмотря на ободряющие замечания Холмса, Хант получила отказ.

Отказ Гарварда подтолкнул Хант к действиям, и вместе с активисткой Сарой Гримке, она начала читать бесплатные лекции в Норт-Энде в Бостоне для информирования общественности о борьбе за права женщин. Богатые клиенты и друзья Хант не советовали ей связываться с радикальными суфражистками, но она все равно произнесла пламенную речь, выступая за увеличение числа женщин-врачей на национальном съезде по правам женщин, прошедшем в Вустере, штат Массачусетс, в 1850 году.

Хант нравилось быть в самой гуще борьбы. Когда она познакомилась с Люси Стоун и Лукрецией Мотт, родоначальницами американского движения за права женщин, то наконец почувствовала себя на своем месте. Она осознала, какую силу представляют женщины, если действуют сообща. И поклялась посвятить свою жизнь тому, чтобы помогать достойным женщинам получить диплом врача. Для начала она в 1850 году второй раз попыталась поступить в Гарвардскую медицинскую школу, заявив, что после того, как Элизабет Блэкуэлл получила диплом, общество к ней благоволит. Одновременно с Хант с просьбой о зачислении обратились

трое афроамериканцев. Двое из них получили финансовую поддержку от Американского колонизационного общества и должны были отправиться миссионерами в Либерию, а третьим был аболиционист Мартин Р. Делани. В свете расовых и гендерных угроз существующему положению дел в Гарварде сначала согласились разрешить всем четверым посещение лекций, но их будущие сокурсники, сплошь белые мужчины, пригрозили погубить репутацию учебного заведения, уйдя в другие, где белым студентам мужского пола будут оказывать больше уважения.

Опасаясь открытого мятежа, в Гарварде отменили свое решение, заявив, что совместное обучение женщин или «цветных» вместе с белыми мужчинами недопустимо. Чтобы отпугнуть будущих абитуриенток, в Гарварде позаботились о том, чтобы Хант высмеяли в прессе. В одной газете ее разнесли за то, что она попрала «святую истину» о необходимости женщины подчиняться мужчине.

Разгневанная Хант ответила так: «С развитием цивилизации и с принятием великой доктрины о правах человека это постановление отменят, и все глаза будут смотреть, а уши слушать, дивясь на такое чуть ли не варварство в середине XIX века».

В 1851 году в деле женщин-врачей была одержана огромная победа, когда Сара Хейл, авторитетная редакторка *Godey's Lady's Book*, самого популярного женского журнала в стране со 150000 подписчиков, опубликовала цикл передовиц, восхвалявших добродетели женщин-врачей и отмечавших, что они «от природы лучше мужчин приспособлены заботиться о больных и страждущих». У них лучше получается лечить детей и никому, кроме них, не стать «достойными помощницами своим товаркам в час невзгод». Хейл превозносила Элизабет Блэкуэлл и Энн Престон и рукоплескала открытию Женского медицинского колледжа Пенсильвании. Она бесстрашно заявляла, что половина врачей в Соединенных Штатах должны быть женщинами. После прочтения статей Хейл все больше пациенток стали обращаться к врачам-женщинам.

В 1852 году Элизабет Блэкуэлл, воодушевленная свежеобретенной дружбой с Энн Престон, перед аудиторией, состоявшей в основном из квакерш, прочла цикл лекций о надлежащей духовной, интеллектуальной, эмоциональной и физической заботе о девочках в полуподвальных церковных залах и в гостиных Нью-Йорка. Многие из этих женщин стали ее пациентками, а лекции пользовались такой популярностью, что в том же году Дж. П. Патнэм опубликовал их под названием «Законы жизни с особенным вниманием к физическому воспитанию девочек» (The Laws of Life, with Special Reference to the Physical Education of Girls).

Харриот Хант объединила усилия с благотворительницей и активисткой Кэролайн Северенс и другими богатыми жертвователями и учредила Женскую медицинскую ассоциацию заемных фондов Огайо. Ее главная цель состояла в предоставлении будущим студенткам медицинских институтов со всей страны беспроцентных займов, которые они должны были выплатить по окончании обучения и после открытия собственной практики. В Огайо было несколько школ эклектической медицины, куда принимали женщин, а сестра Элизабет, Эмили Блэкуэлл, в 1854 году окончила факультет традиционной медицины в университете Вестерн Резерв в Кливленде. В том же году Хант объездила весь Огайо с лекциями о медицинском образовании для женщин; она получила поддержку воодушевленной публики и благоприятные отзывы в прессе.

Получив гранты от штата и пожертвования богатых благотворителей, Блэкуэлл открыла бесплатную клинику, Нью-Йоркскую амбулаторию для малоимущих женщин и детей. Она искала независимости и возможности применить свои врачебные навыки, но оказалась в сырой комнатушке в самом центре Маленькой Германии[3], рядом с доходными домами на Восточной

[3] Маленькая Германия – район немецких иммигрантов, существовавший на Манхэттене примерно с 1840 года. В 1904 году во время пожара на экскурсионном судне «Генерал Слокам» погибло большое число жителей общины, община распалась, а оставшиеся в живых немцы разъехались по другим районам города.

Седьмой улице. Здесь она предоставляла портнихам, фабричным работницам, прислуге и их детям элементарные медицинские услуги, давала рекомендации по надлежащей гигиене, питанию и проветриванию помещений, а также советовала, как лучше искать работу.

Малоимущие женщины не знали «культа истинной женственности» и не имели ничего похожего на «узкий домашний и семейный круг». Битком набитую народом съемную комнату узким семейным кругом не назовешь. Не имея платежных средств, бедные женщины редко получали врачебную помощь. Они регулярно страдали от увечий, болезней и крайней усталости, особенно во время беременности. На период беременности и болезни работодатели не предоставляли им оплачиваемого отпуска. Неявка на работу могла стоить женщине места.

Как раз когда открылась лечебница, из Кливленда в Нью-Йорк приехала доктор Эмили Блэкуэлл; она направлялась в Шотландию учиться оперативному акушерству у прославленного врача Джеймса Янга Симпсона, возглавлявшего кафедру акушерства и женских болезней в Эдинбургском университете. Эмили, которая была на пять лет младше Элизабет, чувствовала, что собственные успехи ее раскрепощают. Элизабет добивалась успеха благодаря чрезвычайной уверенности в собственных силах, но Эмили, хоть и не уступала ей интеллектуально, часто томилась от неуверенности в себе. Ее брат Генри в письме Элизабет называл Эмили сообразительной и полной плодотворной энергии: «Она обладает замечательно сбалансированным сочетанием физических и умственных качеств: сильная, но не грузная, с ясным и четким рассудком, быстрой реакцией, решительная, спокойная, жизнерадостная и выдержанная».

Эмили помогала Элизабет три недели, а потом отправилась пароходом в Европу. Элизабет наблюдала за отъездом сестры, мучаясь от зависти. «Это одиночество в медицине порой бывает поистине ужасным», – признавалась она через несколько дней в письме к Эмили. Но, получив известие о том, что Энн Престон назначена преподавателем физиологии и гигиены в Женском медицинском колледже Пенсильвании, она воспряла духом. Энн станет первой женщиной-преподавателем медицины в аккредитованном колледже Америки. Этот же колледж также выдал Харриот Хант почетный диплом врача.

Элизабет запланировала расширить лечебницу и открыть больницу для женщин и детей, где будут работать образованные женщины-врачи. Трудность заключалась в том, что женщин-врачей с хорошим образованием было мало, а ее сестра Эмили должна была закончить учебу в Шотландии только в 1856 году. Элизабет принялась искать другого врача, но ее никто не удовлетворял, пока однажды в клинике не объявилась молодая рыжеволосая немка. Вскоре Элизабет поняла, что эта женщина стала ответом на ее молитвы.

2
Повесть о двух больницах
Нью-Йорк, 1854 год

В 1840 году десятилетняя рыжеволосая Мари Закшевская жила с матерью в Шарите, выдающейся университетской больнице и школе акушерства в Берлине. Ее отец, человек с «революционными наклонностями», был уволен с должности, которую занимал как офицер вооруженных сил, и чтобы помочь с содержанием семьи, мама Мари училась в Шарите на акушерку. Для обучения требовалось, чтобы она несколько месяцев жила в больнице, получая клиническую подготовку вместе со студентами-медиками мужского пола. Сначала Мари отослали жить с тетей, но спустя некоторое время глаза Мари «поразила такая немощь, что [она] не могла ни читать, ни писать». Ее мать получила разрешение, чтобы дочь жила с ней в больнице во время лечения глаз. Доктора Мюллера, врача Мари, так пленила смышленая девочка, что он начал брать ее с собой на обходы. На глаза у нее были наложены повязки, но она так внимательно и сосредоточенно слушала, что Мюллер прозвал ее своим «маленьким незрячим доктором».

Однажды, когда ее глаза вылечились, доктор Мюллер развлекал юную Мари рассказом о том, как труп молодого человека, скончавшегося от отравления, полностью позеленел. Теперь тело лежало в мертвецкой, служившей больничным моргом и патологоанатомической лабораторией. Это привело Мари в изумление. Она спросила, можно ли ей увидеть тело, но доктор был слишком занят и не мог ее отвести.

Закончив обход с доктором Мюллером, Мари, у которой за день разыгралось любопытство, решила посмотреть тело самостоятельно.

Войдя в мертвецкую, она с удивлением обнаружила там полный зал живых людей – скорбящие родственники покойного убирали тело цветами. Чтобы скоротать время, пока родственники не разойдутся, девочка прошлась по соседним патологоанатомическим залам, где ждали осмотра другие тела. Она морщила нос от кислого запаха формальдегида. На дощатых нарах, прибитых к свежевыкрашенным молочно-белым стенам, лежала дюжина трупов, все до одного одетые в белые саваны. В центре каждого зала стоял секционный стол. Рост Мари позволял ей заглянуть на стол, но до инструментов для вскрытия она дотянуться не могла.

Осмотрев патологоанатомические залы, Мари увидела, что родственники ушли, поэтому пошла взглянуть на тело отравленного молодого человека. Кожа была тусклого, темно-зеленого оттенка, похожего на пятна, что оставляют на пальцах медные кольца. На лице застыла маска смерти, оно так и осталось перекошенным от боли. Мари поразило, какой ледяной казалась кожа. Она нашла стул, придвинула его к столу и взобралась повыше, чтобы увидеть тело целиком. Человек был очень молод, не старше двадцати лет. Ей было жаль родственников, но не его самого. Не теперь. Она знала, что его больше не беспокоит никакая боль. Чем дольше она смотрела, тем больше замечала. Наконец, вполне удовлетворив свое любопытство, Мари слезла со стула.

Тут-то она и обратила внимание, что в морге все стихло. Люди ушли. Двери заперли. Она стучалась, пока не село солнце. В мертвецкой наступила кромешная тьма.

Выбившись из сил, Мари решила сесть на пол и ждать. Она знала, что в конце концов ее найдут. Девочка заснула. Ее мать, сама не своя от беспокойства, отыскала дочь только ближе к полуночи. Через несколько дней доктор Мюллер, на которого произвело впечатление бесстрашие Мари, дал ей две книги: «Историю акушерства» и «Историю хирургии». Эти книги так заинтересовали девочку, что доктору Мюллеру не удалось оторвать ее от них ни к утреннему, ни к вечернему обходу. Позже она говорила, что именно тогда и начала изучать медицину.

Осенью 1849 года в возрасте двадцати лет Мари Закшевскую приняли в школу акушерства при больнице Шарите, где следующие три с половиной года она училась под бдительным оком своего наставника, Джозефа Германа Шмидта, старшего преподавателя акушерства. Она изучала естественные науки и получила превосходные навыки родовспоможения, самостоятельно принимая по тридцать детей в год и ассистируя во время множества других родов. Кроме того, она узнала, что в споре врача с акушеркой всегда побеждает врач. Тем не менее, образование, которое Закшевская получила в Шарите было не хуже, а то и лучше того, каким могли похвастаться американские студенты-медики. В то время почти ни в одной американской медицинской школе не предлагалось подготовки в условиях больницы или обучения пользованию влагалищным зеркалом. Поскольку профессора акушерства, учившие Закшевскую, преподавали и в Берлинском университете, ее акушерская подготовка мало отличалась от подготовки студентов-медиков мужского пола. По окончании обучения ее назначили главной акушеркой.

Закшевская, лучшая ученица, отличалась чрезвычайной уверенностью в себе. Она всегда без колебаний высказывала свое мнение, но со временем ей пришлось освоить науку дипломатии и ведения переговоров. Один ведущий врач из Шарите, Эрнст Хорн, жаловался, что «Мари продемонстрировала признаки раздражительного нрава, дерзости и отсутствия контроля». Закшевская считала Хорна столь же невыносимым.

Из-за стычек с Хорном Закшевская продержалась на месте главной акушерки всего полгода. Больше всего ей хотелось быть врачом и давать распоряжения. Она слышала, что в Америке «женщины отныне будут врачами наравне с мужчинами». Она читала об Элизабет Блэкуэлл. Закшевская, неугомонная и честолюбивая, решила, что отправится изучать медицину в Америку. Когда она сообщила отцу, что хочет эмигрировать, тот сказал, что поможет ей, только если она возьмет с собой младшую сестру Анну. 13 марта 1853 года они покинули родной дом. И через три недели отчалили из Гамбурга на клипере «Дойчланд», а через сорок семь дней, пережив «исключительно сильные шторма», прибыли в Нью-Йорк.

В Нью-Йорке Закшевская обнаружила, что на самом деле американские мужчины изо всех сил стараются помешать женщинам заниматься врачебной деятельностью. Более того, поскольку акушерок заменили акушеры-гинекологи мужского пола, она не могла найти работу. Последние несколько долларов она потратила, чтобы открыть предприятие по вязанию причудливых вещиц из камвольной шерсти и дальнейшей их продаже на рынке.

Мари оказалась талантливой предпринимательницей. Некоторое время на нее работали тридцать женщин. Однако она не оставляла попыток стать врачом и, по счастливой случайности, знакомство, которое она завела с управляющим ночлежным домом, привело ее к Элизабет Блэкуэлл. На Элизабет произвело огромное впечатление образование и мастерство Закшевской.

«Наконец я нашла студентку, которая смогла чрезвычайно меня заинтересовать, – писала о ней Элизабет сестре. – В ней есть нечто истинное, и я постараюсь это пробудить». Прозвав ее Зак, Элизабет предложила Закшевской немедленно начать ассистировать в лечебнице. Кроме того, она наняла учителя, чтобы помочь молодой акушерке лучше овладеть английским языком, и пообещала найти место, где Закшевская сможет получить медицинское образование, к которому так стремилась.

В 1854 году Элизабет удалось устроить, чтобы Мари приняли в Кливлендский медицинский колледж, где недавно получила диплом ее сестра Эмили. Всего через четыре года, с возрастанием давления со стороны студентов мужского пола и жертвователей, колледж перестанет принимать женщин.

Заказчики предприятия Закшевской больше не нуждались в изделиях из камвольной шерсти, ее доход упал, и обучение оказалось ей не по карману. Поэтому Элизабет организовала оплату ее учебы через недавно сформированный фонд стипендий для женщин. Одна из

покровительниц Закшевской, Кэролайн Северенс, была суфражисткой, избранной вице-президентом Национального съезда по правам женщин, недавно прошедшего в Сиракузах, штат Нью-Йорк.

Встреча Закшевской с Северенс у нее дома в Кливленде ознаменовала начало ее политического пробуждения. Открылся новый мир, населенный аболиционистами, спиритуалистами, сторонниками свободной любви, защитниками женских прав, квакерами и унитариями. Она познакомилась с Уильямом Ллойдом Гаррисоном, Ральфом Уолдо Эмерсоном, Фредериком Дуглассом, сестрами Гримке, Сарой и Анджелиной, не говоря о многих других. И похоже, не было никого влиятельнее Харриот Хант, которая вместе с Северенс учредила особый фонд для оплаты образования Закшевской. Когда сорокавосьмилетняя Хант и юная Закшевская познакомились, они тут же почувствовали «электрический контакт», «союз ума и сердца», как писала в мемуарах Хант. Именно благодаря Хант Закшевская начала понимать, как ее попытки заниматься врачебной деятельностью связаны с борьбой за узаконивание прав женщин. В 1856 году, когда Закшевская в двадцать семь лет вернулась в Нью-Йорк с дипломом врача, она горела желанием помочь сестрам Блэкуэлл открыть в городе больницу для женщин.

Клиника Блэкуэлл была не первой больницей Нью-Йорка, где принимали только пациенток женского пола. 18 мая 1854 года Элизабет, которая задумывалась о том, чтобы расширить свою небольшую амбулаторию, превратив ее в большой госпиталь, попала на открытую лекцию Дж. Мэриона Симса, хирурга, который недавно переехал в Нью-Йорк из родной Алабамы и рекламировал самого себя. На Элизабет произвели выгодное впечатление его открытая улыбка, элегантный южный акцент и рассказы о собственных достижениях. Не уступая в искусстве болтовни самому Ф. Т. Барнуму[4], Симс поведал историю своей жизни в подробностях, от которых захватывало дух и которые делали из него героя. Он заявлял, что, как и Элизабет, исполняет Божью волю, помогая женщинам. Она очень рассчитывала, что они с Симсом будут работать вместе.

В отличие от Элизабет, Симс занялся лечением женщин по случайности. Закончив Джефферсонский медицинский колледж в Пенсильвании, он открыл практику недалеко от дома, в Монтгомери, штат Алабама. Во всем штате его знали как очень честолюбивого молодого хирурга, он выполнял «прекрасные, блестящие операции всякого рода», как позже сам писал в воспоминаниях.

Однажды утром, после обхода, когда Симс уже собирался садиться в коляску и ехать домой, его попросили осмотреть одну местную жительницу, которая упала с пони. «Она всем весом приземлилась на таз. Ни одна кость не была сломана. Пациентка лежала в постели, жалуясь на сильную боль в спине и болезненные позывы на мочеиспускание и испражнение… Если я чего и терпеть не могу, так это производить осмотр органов женского таза. Однако эта женщина находилась в таком состоянии, что моим долгом было выяснить, что с ней случилось».

Симс обнаружил, что в результате падения у женщины произошла ретрофлексия матки. Как у большинства врачей того времени, у Симса не было специальной гинекологической подготовки, но поскольку он думал, что знает, в чем проблема, то решил испытать малоизвестный способ лечения, о котором слышал во время учебы. Он поставил пациентку на четвереньки, накрыл простыней, поместил два пальца в ее влагалище и стал совершать движения вверх и вниз; как он писал в автобиографии, благодаря создаваемому потоку воздуха матка встала на место. Его так заинтересовала техника, использованная во время этой процедуры, что он забыл о своем отвращении к женской физиологии. Симсу требовался способ лучше рассмотреть матку. Мысль, которая пришла ему позже, была такой простой, что он едва не рассме-

[4] *Финеас Тейлор Барнум* (1810–1891) – эстрадный и цирковой артист, делец, настолько прославившийся своими мистификациями и манипуляциями фактами, что его имя стало в Америке нарицательным.

ялся. «Введя согнутую ручку столовой ложки [во влагалище пациентки], я увидел то, чего не видел до меня ни один мужчина… Влагалищное зеркало все совершенно проясняло с самого начала… Я чувствовал себя первооткрывателем от медицины, увидевшим новые и важные земли». Тогда-то Симс и решил объявить эти земли своими.

Симс тут же подумал о широчайших возможностях использования влагалищного зеркала, особенно у пациенток с ректовагинальным свищом, тяжелой травмой, когда между прямой кишкой и влагалищем образуется прореха, что часто случается во время родов и вызывает постоянное проникновение мочи и экскрементов во влагалище. От женщин, страдающих такой патологией, всегда пахло, как из уборной. Симс «перевернул всю страну» в поисках пациенток, на которых он мог бы учиться и разрабатывать новые хирургические методики. С 1845 по 1849 год он выполнял экспериментальные операции как минимум на десяти рабынях без их согласия и без анестезии, хотя в 1846 году во время операций уже начали использовать хлороформ. Операционный стол Симса представлял собой небольшую деревянную конструкцию высотой четыре фута[5] и шириной два с половиной фута[6]. Инструменты у него – вроде оловянного прототипа влагалищного зеркала – были самодельными.

Первой он оперировал восемнадцатилетнюю Люси. Он ставил ее, совершенно обнаженную, на четвереньки с опущенной на руки головой. Еще дюжина докторов либо смотрели, либо удерживали Люси, которая кричала и плакала от боли, пока целый час шла операция. Как позднее писал Симс, «мучилась Люси чрезвычайно». Из-за неправильного наложения губки для отвода мочи из мочевого пузыря у Люси развилось заражение крови, и она серьезно заболела.

«Я думал, она умирает», писал он. Но она выжила.

Четыре года Симс продолжал проводить опыты на рабынях. После тридцати операций, сделанных молодой женщине по имени Анарха, он наконец «довел до совершенства» свою методику. Затем он начал практиковаться на белых женщинах, используя анестезию. Тогда-то он и переехал в Нью-Йорк в надежде продолжить экспериментальные операции, увеличить свое благосостояние и прославиться.

Почти ничего не зная о нем и о его прошлом, Элизабет увидела в Симсе саму себя – честолюбивого чужака, который хочет построить больницу, чтобы лечить женские болезни. Она рассчитывала, что Симс будет искать с ней встречи из-за ее уникальных знаний и опыта в женской медицине. Когда он не объявился в ее лечебнице, она решила сама нанести ему визит и предложить поддержку.

«Он всецело ратует за женское обучение и обращаться с ними будет *достойно*, а нам большего и не нужно, – писала она потом Эмили, которая все еще была в Эдинбурге. – Он весьма пылкий мужчина, однако и чрезвычайно приятный, благородный и к тому же джентльмен». Элизабет надеялась, что в его больнице выпускницам женских медицинских институтов будет предоставляться клиническая подготовка.

В то время, когда Симс активно анонсировал открытие женской больницы, он был, пожалуй, единственным хирургом в Америке, чья врачебная деятельность сводилась исключительно к лечению женских болезней. Его поддерживал Чарльз Мейгс, который преподавал акушерство в Джефферсонском медицинском колледже, альма-матер Симса, и утверждал, что за свой успех «он заслужил похвалу и благодарность от всех представителей нашей профессии».

Однако даже при такой выдающейся биографии и уникальном умении показать товар лицом, какими отличался Симс, видные нью-йоркские хирурги и врачи противились идее создания больницы только для женщин. Тогда Симс привлек тридцать известных женщин, многие из которых были непосредственно женами возмущенных докторов, чтобы они скло-

[5] 1,22 метра

[6] 0,76 метра

нили своих состоятельных мужей на его сторону. Женскую поддержку он получил, пообещав, что создаст в новой больнице совет управляющих из женщин.

Элизабет же несколько недель читала о Симсе в газетах и поняла, что он в ней совершенно не заинтересован. Его женская больница, расположенная в четырехэтажном особняке из красного кирпича на Мэдисон-авеню, будет рассчитана на сорок мест, и врачами там будут только мужчины, преданные Симсу. Наличие женщин-управляющих ее не обмануло. «Половина – докторские жены, самые что ни на есть непреклонные, – жаловалась она, – остальные – богатейшие и известнейшие жительницы Нью-Йорка, но все, как одна, из светской клики противниц реформ».

Когда в 1855 году женская больница все-таки открылась, успех она снискала не сразу. Большинство женщин рожали дома, и мало кто видел нужду в больнице исключительно для женщин. Как правило, занятой оказывалась лишь половина мест. Поскольку оперативная гинекология только зарождалась, Симсу пришлось рекламировать свои услуги. С этой целью он соорудил специальную арену для демонстрации операций, где мог оттачивать свою методику и одновременно развлекать коллег. На этот раз Симс предпочел проводить свои эксперименты, зачастую без анестезии, не на рабынях, а на нищих ирландских иммигрантках, у которых наблюдались такие серьезные свищи и такое плохое состояние здоровья в целом, что они были готовы оставаться в больнице сколько угодно. Мэри Смит, одна из первых ирландских женщин, подвергшихся хирургическому лечению, с 1856 по 1859 год перенесла тридцать операций – столько же, сколько с 1845 по 1849 год пережила Анарха, одна из рабынь-подопытных Симса. Симс зарабатывал деньги, применяя сделанные в больнице открытия на своих пациентках, с которых брал астрономические суммы. Все эти операции проводились за много лет до того, как был внедрен антисептический метод Джозефа Листера. А до тех пор послеоперационные инфекции представляли больше опасности, чем сами операции.

В 1856 году Эмили Блэкуэлл вернулась в лечебницу Элизабет, имея образование лучше, чем у большинства хирургов в Америке, включая Дж. Мэриона Симса. Она выработала в себе сдержанную, холодную беспристрастность, обычную для высококвалифицированных хирургов, и признавалась сестре: «Вид крови пугает меня не больше, чем вид теплой воды». Профессор Симпсон был одним из немногих сторонников женского образования. «Очевидно, что с развитием этого движения крайне важно, чтобы женщины-врачи получали полное и прекрасное образование, – писал Симпсон Эмили по завершении ее учебы. – Мне представилась самая что ни на есть благоприятная возможность проверить уровень ваших познаний в медицине на протяжении тех восьми месяцев, что вы обучались здесь, у меня, и я без малейшего сомнения заявляю: …мне редко доводилось повстречать молодого врача, который лучше знал бы древние и современные языки или был знаком с литературой, наукой и практическими нюансами своей профессии». Поистине высокая похвала!

Вскоре после возвращения Эмили в Нью-Йорк прошел слух, что в женской больнице Симса ищут женщину-врача. По-видимому, те самые леди-управляющие, которых Элизабет пренебрежительно называла светскими пустышками, включили в устав условие, обязывающее Симса взять ассистентом хирурга женщину. Кандидатура Эмили Блэкуэлл была очевидной. Она училась у Симпсона, одного из самых прославленных хирургов в Европе, и была самой квалифицированной – вернее, единственной – женщиной-хирургом в Нью-Йорке.

В то время демонстрации операций, которые проводил Симс, пользовались оглушительным успехом. Собирая публику из врачей, студентов-медиков и других зрителей из медицинской сферы – сплошь мужчин, за исключением случайно затесавшейся медицинской сестры и, разумеется, пациентки, – эти мероприятия были столь же развлекательными, сколь познавательными. Симс проводил на разных пациентках ряд хирургических операций, которые могли длиться весь день. Он просил кого-нибудь вести хронометраж операций, отчего они станови-

лись еще интереснее. Зрители часто разражались бурными аплодисментами и одобрительными возгласами, словно смотрели спортивный матч.

Поскольку Эмили была практикующим хирургом, возможно, она видела какую-то из демонстраций Симса. Зал всегда бывал полон восторженной публики, состоявшей из преподавателей медицины и их студентов, и в жаркие дни в воздухе стояла резкая вонь потных тел, мочи и крови.

Когда Симс, широко раскинув руки, выходил на арену, зрители начинали бурно рукоплескать. Молодые студенты-медики называли Симса «архитектором влагалища» и сравнивали его с первопоселенцем Дэниэлом Буном и героем романа Фенимора Купера Соколиным Глазом. Дрожащая и обнаженная пациентка обычно находилась на операционном столе, накрытая тонкой простыней, когда это было возможно. Бывало, что эфирный наркоз не применяли, потому что операция с кричащей от боли пациенткой гораздо интереснее, чем когда та мирно спит.

На Эмили, которая выработала иммунитет к харизматичным медикам еще во время работы с доктором Симпсоном, это не произвело впечатления. Она понимала, что показная дерзость Симса скрывает не слишком хорошую технику и отвлекает внимание от того, скольких пациенток он покалечил и убил.

Возможно, вуайеристический характер операционной Симса смущал Эмили, однако она все равно хотела получить место ассистента хирурга в его больнице и была разочарована, когда он ей отказал. Вместо нее – то ли из чистого цинизма, то ли в насмешку – Симс взял миссис Браун, овдовевшую сестру своего приятеля, которая даже не была врачом, и назначил ее «сестрой-хозяйкой и главной распорядительницей». Через полгода он объявил своему женскому совету управляющих, что ему необходим ассистент, и выбрал Томаса Эддиса Эммета, молодого хирурга с хорошими связями, с которым встречался в обществе. Сестры Блэкуэлл больше не имели дела с Симсом.

Благодаря успешной работе женской больницы исполнилась еще одна мечта Симса. Он стал вхож в узкий круг самых влиятельных дельцов Нью-Йорка. В 1857 году нью-йоркские власти выдали больнице патент и десять тысяч долларов. В новом учредительном документе исключалось всякое женское влияние, а руководство больницей передавалось от женского совета управляющих мужскому совету попечителей, в который входили самые влиятельные из богатейших жителей Нью-Йорка, в том числе Джон Джейкоб Астор, Теодор Седжвик, Дж. П. Морган, Генри Дж. Реймонд (учредитель *New York Times*) и корабельный магнат Роберт Минтерн. Женщины-управляющие занимали подчиненное положение, уделяя основное внимание так называемым нравственным и хозяйственным вопросам.

Со временем Симс стал таким богатым, что открыл еще один кабинет в Нью-Порте на Род-Айленде. Он давал роскошные приемы на сотни гостей. В *Newport Daily News* назвали свадьбу четвертой дочери Симса «величайшим светским событием сезона». При этом он продолжал щеголять своей хирургической доблестью, и однажды проводил ряд гинекологических операций на малоимущих женщинах несколько дней подряд, чтобы продемонстрировать свои таланты хирургу-специалисту по яичникам, Джону Лайту Этли, основателю Американской медицинской ассоциации. Овариэктомия подразумевает хирургическое удаление одного или обоих яичников. Эта операция, которая обычно проводилась в рамках лечения кисты или рака яичника, стала приобретать популярность в качестве средства от мнимых психических расстройств у женщин, например, истерии и нимфомании. Поскольку эти врачи считали – без каких-либо научных оснований, – что причина целого спектра женских болезней заключается в половых органах, им казалось, что удаление должно было принести благоприятный эффект.

Много лет спустя доктор Мэри Патнэм Джейкоби писала о Симсе и о том, как ему не удалось познакомиться с Элизабет и Эмили:

Недужные женщины, безусловно, многим обязаны изобретательному дарованию Мэриона Симса [sic]. Однако, с другой стороны, говорят, что слава и состояние Симса [sic] – полностью заслуга женщин, от бедных рабынь из Алабамы, которые без всякого наркоза покорно отдавали свои тела на его опыты, до нью-йоркских леди, благодаря чьей благожелательной готовности и распахнутым кошелькам ему удалось реализовать свою мечту и устроить судьбу. С его стороны было бы и великодушно, и справедливо, если бы в такой критический момент он разделил свои возможности с двумя женщинами, которые, как и он сам, сражались с противоборствующим миром и чьи труды и стремления были столь тесно связаны с его собственными. Но он этого не сделал; и для первых женщин-врачей этот упущенный случай все изменил: их успехи были не блестящими и скоропалительными, а скромными и запоздалыми.

Пока Симс проводил экспериментальные операции, которые привлекали в его больницу меценатов, сестры Блэкуэлл и одна из их протеже, недавно закончившая обучение Закшевская, тоже изо всех сил пытались найти инвесторов для своей лечебницы. Элизабет хотела построить для женщин дворец медицины, где также будет предоставляться клиническая подготовка. Закшевская, полностью одобряя замысел Элизабет о лечебной мекке для женщин, предложила более практичный план: скромный «базовый госпиталь». В конце концов Элизабет и Эмили согласились с Закшевской, заметив, что только у нее был успешный опыт ведения дел.

Чтобы обеспечить поддержку своему замыслу, Элизабет провела салонное собрание для небольшой группы состоятельных сочувствующих. «Самое серьезное затруднение, которое приходится преодолевать студенткам – перекрытие для них всякого доступа к практическому обучению», – объясняла Элизабет. Кроме того, она подчеркнула моральные преимущества больницы для женщин под управлением женщин. Медицина послужит новым, обширным полем деятельности для незамужних дам. Став врачами, эти женщины подготовят медицинских сестер лучшей квалификации. А самое главное – женщины-врачи избавят больных женщин от «жестокого унижения», когда студенты-медики и мужчины-врачи используют их как клинические случаи для изучения.

Харриот Хант, обладающая широкими связями, направила к Элизабет множество потенциальных благодетелей, в том числе педагога Элизабет Пибоди, скульптора и поэтессу Энн Уитни и знаменитых аболиционисток Сару и Анджелину Гримке. Ценную помощь оказали и невестки сестер Блэкуэлл, Люси Стоун и Антуанетта Браун-Блэкуэлл, первая женщина в Соединенных Штатах, рукоположенная в священники. К кругу лиц, участвующих в сборе средств для новой больницы, присоединились и другие влиятельные женщины, среди которых были журналистки, художницы, модницы, спиритуалистки, филантропки, аболиционистки и социалистки.

Однако идею о том, чтобы женщины-врачи практиковали в больнице, а тем более в больнице только для женщин, было не так-то легко продвинуть, поэтому, в добавок к сбору средств, учредительницы собрали совет консультантов-мужчин, в который входили высококвалифицированные и очень уважаемые врачи.

Как и предсказывала Закшевская, трем женщинам не удалось собрать достаточно средств на большую больницу. 12 мая 1857 года, в тридцать седьмой день рождения Флоренс Найтингейл[7] по адресу Бликер-стрит, 64, открылась скромных размеров, более камерная Нью-Йоркская лечебница для нуждающихся женщин и детей. В этом четырехэтажном здании из

[7] *Флоренс Найтингейл* (1820–1910) – британская медицинская сестра и общественная деятельница, благодаря усилиям которой профессия медсестры перестала считаться неприличным занятием для порядочной женщины, а поддержание санитарии и гигиены в больницах стало нормой.

красного кирпича в голландском стиле когда-то жили Джеймс и Гарриет Хауленд Рузвельт, прадедушка и прабабушка будущего президента Франклина Делано Рузвельта. Во время торжественного открытия воодушевляющие речи произнесли преподобный Генри Уорд Бичер, квакер доктор Уильям Элдер и преподобный доктор Тинг. Закшевская предложила, чтобы Элизабет тоже обратилась к собравшимся, но покровители отвергли это предложение, опасаясь, что она выскажется «как поборница женских прав».

Лечебница располагалась на границе между богатейшими и беднейшими районами Нью-Йорка. На западе лежал девственный парк Вашингтон-сквер. На юге и востоке располагались Пять углов, где тысячи ирландских, немецких и афроамериканских иммигрантов жили в многоквартирных халупах самых печально известных городских трущоб довоенной эпохи[8]. Пять углов заселяли городские рабочие, труд которых будет способствовать росту промышленности в городе.

Через два месяца после открытия лечебницы в *New York Times* с воодушевлением сообщили, что это учреждение «с домашней атмосферой» «свежее и чистое, будто выметенное новой метлой из поговорки» и что, судя по «матерински-заботливым лицам дам», работа медицинских сестер должна быть на необычайно высоком уровне. В *Times* отмечалось, что главный вестибюль и приемная со вкусом оснащены коврами, диванами и прочей мебелью. Обстановка отличалась удобством и уютом и была идеальна для нуждающихся в помощи женщин.

На втором этаже имелось две палаты на шесть коек каждая. Беременные пациентки помещались на третьем этаже, где также располагалась комната для врачей. Единственным источником тепла в больнице были угольные камины с решеткой. Студентки-медики жили на четвертом этаже. Выпускницы Женского медицинского колледжа Пенсильвании учились практической медицине в любое время дня и ночи. К роженицам в находящиеся по соседству трущобы врачей и студенток сопровождали полицейские пешей патрульной службы.

Сестры Блэкуэлл и Закшевская зарабатывали себе на жизнь, пользуя частных пациенток. Студентки-медики получали только жилье и пропитание. По словам Закшевской, «остаться и стойко переносить ненастную пору студенчества могли только смелые, отважные, решительные и финансово обустроенные женщины».

Любопытные граждане со всех уголков Соединенных Штатов и Европы приезжали посмотреть на женщин-врачей и на Нью-Йоркскую лечебницу. После такой широчайшей огласки спрос на услуги больницы взлетел. В течение первого года лечение получили около тысячи женщин и детей. Доктор Эмили Блэкуэлл провела тридцать шесть операций. Успех лечебницы привлекал потенциальных пациенток Нью-Йоркской женской больницы. Поэтому некоторое число богатых врачей-мужчин были возмущены, что сестры Блэкуэлл процветают. Начали ходить слухи, возможно пущенные в больнице Симса, о том, что медички-шарлатанки подвергают пациенток опасности, и эти слухи смутили пациентов и их близких, живущих к югу от лечебницы. Один раз из-за таких сплетен женщины-врачи и медицинские сестры чуть не оказались на грани гибели.

[8] Имеется в виду Гражданская война 1861 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.